

– Барышня, эта ваша сестра слишком возмутительно себя ведет. Очевидно, это ее личное дело, но она только что злобно обвинила вас во всем! И Цин Цуй, она тоже на ее стороне! – Цин Юэ сильно рассердилась и предложила: – Барышня, пойдем расскажем все генералу и старой мадам.

Цинь Ваньжу ухмыльнулась и мягко улыбнулась:

– Это бесполезно! – Затем она сложила письмо. – Это письмо не было написано Цинь Юйжу, так как ее рука сейчас ранена.

Цинь Юйжу вообще не могла написать его, потому что ее правая рука была обожжена.

– Если это не она написала, кто бы это мог написать? – ошеломленно спросила Цин Юэ.

– Это должна быть мадам Ди, только она могла бы рассказать так много подробностей. – Цинь Ваньжу сказала это спокойно, так как знала, что это письмо с таким количеством деталей не может быть написано раненой рукой Цинь Юйжу.

– Как мадам могла написать такое письмо? – спросила Цин Юэ, краснея от стыда. Если она точно помнила, начало письма звучало так, как будто его написала девушка, которая очень интимно общалась с мужчиной в письме. Как могла мадам Ди, будучи старшей, написать такие нескромные слова?

– Ей не нужно было стыдиться, так как никто не узнает, и Цинь Юйжу призналась бы, что именно она написала это, – усмехнулась Цинь Ваньжу, положила письмо, сделала глоток чая и спокойно посмотрела на воду. – Если ты отнесешь это письмо моему отцу, никто ничего не сможет сделать Цинь Юйжу, пока она сама не признает, что оно было написано ею.

– Мы можем сказать, что это было написано мадам, – поспешно предложила Цин Юэ.

– Почерк мадам Ди в этом письме немного отличается от предыдущих. Иероглифы были написаны самым формальным способом. Даже если ты скажешь, что это она написала, она может просто отрицать это! – сказала Цинь Ваньжу холодным голосом. Она сидела у окна, стройная и с прямой осанкой, от которой веяло холодом и презрением. – Если бы так легко было заставить мадам Ди признать свою вину, не появилось бы так много призраков, которые умерли бы без причины.

Ее слова были крайне беспощадны. Такой слабой девочке должно было быть страшно говорить о том, что произошло на заднем дворе, таким непокорным и холодным тоном.

- Тогда что же нам делать? - запинаясь, спросила Цин Юэ.

- Пusti слухи, что кто-то нашел это письмо, - спокойно сказала Цинь Ваньжу с улыбкой. Косые лучи заходящего солнца в окне делали ее лицо наполовину светлым, наполовину темным.

Цинь Ваньжу сейчас выглядела удивительно непохожей на детей ее возраста. Ее темные глаза прятались под длинными ресницами, которые выглядели невинными и слабыми, а также светились очарованием, которого не было у других девочек. Ее теперешний облик привел Цин Юэ в необъяснимый ужас, и она невольно судорожно сглотнула.

Девочка перед ней все еще была ее собственной хозяйкой, но она, казалось, сильно изменилась - не лицо, а ее личность, которая заставляла Цин Юэ чувствовать себя в опасности, даже находясь в безопасной обстановке.

Ее собственная маленькая барышня вдруг так сильно изменилась, и это заставило Цин Юэ чувствовать себя настороженно и в то же время более уверенно. В эти дни произошло слишком много событий, каждое из которых было нацелено на то, чтобы поймать ее хозяйку в ловушку, чтобы заставить ее умереть. Если бы ее хозяйка все еще была бы такой простодушной и наивной, какой была раньше, Цин Юэ не знала, что могло случиться с ней самой в такое время.

Это был закон джунглей. Как она могла отстать в качестве служанки, если ее хозяйка была так крепка духом?

- Да, барышня, я распушу слухи об этом, как будто это произошло случайно, - кивнула Цин Юэ, подтверждая, что она будет и сможет защитить своего собственного мастера.

- Еще рано. Скажешь об этом вечером и сделай все так, чтобы тебя не заподозрили. Прямо сейчас мы пойдем к тете Шуй, - кивнула Цинь Ваньжу и встала. Затем она спрятала письмо в рукав, собираясь отдать его Шуй Жолань, так как это была хорошая фишка для торга.

Цин Юэ ответила и пошла в семейный храм, следуя за Цинь Ваньжу.

Цюнь Хуа заметила их приближение и поспешно открыла ворота, впуская внутрь. Шуй Жолань по-прежнему была одета в грубую холщовую одежду и сидела на футоне. Она также не встала, когда увидела входящую Цинь Ваньжу.

Цинь Ваньжу взяла футон сбоку и села рядом.

- Тетя Шуй, к вам приходила моя мать?

Шуй Жолань покачала головой, и ее глаза потемнели. Прежние ее мысли уже были отброшены, так как она точно знала, что именно мадам Ди запятнала ее репутацию ради того,

чтобы заставить Цинь Хуайюна чувствовать себя виноватым и больше не вмешиваться в то, что мадам Ди и Цинь Юйжу творили с Цинь Ваньжу.

Никто не хотел по своей воле быть бы втянутым в эту неразбериху. Поэтому она сдержалась и по совету Цинь Ваньжу не сделала ни одного движения, чтобы выяснить отношения с мадам Ди.

– Мой отец может прийти сегодня, и ты... – серьезно начала Цинь Ваньжу. – Тетя Шуй, я знаю, что обычно ты не слишком много думаешь о моем отце, но сейчас... Без тебя, если не будет никого, кто поддерживал бы нас в борьбе с мадам Ди, со мной и бабушкой... мы обе закончили бы ужасно.

– Не волнуйся, Ваньжу, я все понимаю! – Шуй Жолань знала, о «чем» говорит этот рано повзрослевший невинный ребенок, и произнесла это с грустью, а сама протянул руку, чтобы обнять Цинь Ваньжу.

Девочка в ее руках была слишком худой и совсем маленькой. Этот ребенок, который еще не вырос, но который мог только сам строить планы для спасения себя. Если бы на нее не давили так сильно, девочка с таким стройным телом в таком возрасте должна была бы остаться в объятиях матери и быть избалованной и защищенной родителями.

– Ваньжу, не переживай, я знаю, что мне нужно делать! – Раньше она не собиралась этого делать, но теперь, когда она знала, что должна это сделать, Шуй Жолань все еще чувствовала сопротивление в глубине души.

Мадам Ди была настолько злой, что всячески старалась погубить ее и Ваньжу, поэтому она просто не могла позволить ей переиграть себя.

Цинь Ваньжу расслабилась в объятиях Шуй Жолань, одновременно вынимая из рукава письмо и говоря с каким-то скрытым смыслом:

– Тетя Шуй, это письмо пригодится тебе. Подожди, когда мадам Ди придет к тебе, это поможет тебе заставить ее уступить тебе, но этого недостаточно, чтобы доказать, что это написала моя старшая сестра!

Шуй Жолань взяла письмо и бегло прочитала его. Затем она глубоко вздохнула и кивнула:

– Я понимаю! – Она действительно все поняла, хотя ее глаза потемнели и смотрели вниз.

Цинь Ваньжу некоторое время посидела в объятиях Шуй Жолань и наконец поднялась. Она слегка улыбнулась и тепло сказала:

– С тобой все будет в порядке, тетя, и бабушка будет в порядке, все будет хорошо!

Услышав эти слова, Шуй Жолань чуть не разрыдалась. Она кивнула и крепко вогнала ногти в ладонь, кусая губы и сдерживая слезы.

Цинь Ваньжу встала и ласково вытерла слезы с ее глаз. Она повернулась и ушла вместе с Цинь Юэ. Она приходила, чтобы рассказать, что скоро придет ее отец, и отдать письмо Шуй Жолань в качестве защитного оружия.

Его нельзя было рассматривать как улику, но вполне можно было использовать как рычаг давления!

Цинь Хуайюн отправился прямо в кабинет, ударив мадам Ди за то, что произошло сегодня, так что он, должно быть, расстроен и обязательно захочет с кем-то поговорить. Цинь Ваньжу знала, что она слишком маленькая, чтобы быть таким человеком, а бабушка слишком больна, чтобы делиться тревогами с ней, а две другие жены были необразованны, так как раньше были простыми служанками.

Таким образом, оставалась только Шуй Жолань, и она уже дала ему понять, что испытывает к нему чувства. Поэтому отец должен был прийти к Шуй Жолань, чтобы поговорить обо всем, что его тревожило. Это была первая причина.

Гнев мужа, несомненно, встревожил мадам Ди, так как она никогда раньше не получала пощечины, и в этой ситуации она никогда не допустит, чтобы он увидел настолько откровенное и лживое письмо. Сейчас было даже не важно, кто его написал – все сказанное в письме точно соответствовало ее стратегии поведения и давало множество намеков на правильные догадки. Это была вторая причина.

Значит, мадам Ди должна быть встревожена тем, что они работают вместе. Чем больше она будет паниковать, тем больше ошибок совершит. Отчаянный момент был как раз таким.

Цинь Хуайюн был слишком расстроен, чтобы вникать в документы. С тех пор, как он постоянно думал, как решить проблему Цинь Юйжу, он не мог сосредоточиться ни на чем другом. Несмотря на то, что между ним и магистратом Ци возникла некоторая напряженность, они все еще были вежливы друг с другом в присутствии других людей. К тому же ему пришлось пообещать магистрату Ци, что он загладит свою вину, и если он отправится в столицу, то поможет и магистрату Ци быть переведенным туда.

Наконец, вопрос о Цинь Юйжу был успешно решен.

Он и подумать не мог, что после скандала с несостоявшейся свадьбой мадам Ди и Цинь Юйжу сразу ввяжутся в очередную ссору с Ци Жунчжи и мадам Ли, женой магистрата Ци, которая была абсолютно бестактной и несдержанной на язык, и об этом знали все в префектуре Цзянчжоу. Старшая дочь магистрата Ци плохо прославилась вместе с его собственной старшей дочерью, и магистрат Ци был очень зол на это – он специально послал слугу передать ему совет, чтобы он лучше приглядывал за поведением своей жены и дочери.

А также дать им понять, о чем они должны и не должны говорить.

Они уже опозорили его сына, и они собирались сделать то же самое с его дочерью, и теперь Цинь Хуайюн понятия не имел, что творится в голове мадам Ди. Он еще больше разозлился, подумав о том, что именно мадам Ди пригласила к ним в поместье Ци Жунчжи. Если она намеренно пригласила ее, и если она не собиралась обращаться с ней хорошо, то почему она это сделала? И в итоге обе стороны были унижены, когда все обернулось именно так.

Сделав глубокий вдох, Цинь Хуайюн встал. У него не было аппетита ужинать, поэтому он просто отправился бродить по поместью, сложив руки на груди. Он также чувствовал, словно чья-то ледяная рука сжимает его сердце. Как он мог успокоиться, когда такое случилось в тот критический момент, когда его как раз собирались перевести в столицу?

Лакей не осмелился ничего сказать и последовал за ним, увидев, что хозяин нахмурился.

Пройдя некоторое время, Цинь Хуайюн остановился у маленького дворика, и он понятия не имел, почему оказался здесь, в семейном храме. Он не знал, стоит ли ему входить, нерешительно стоя перед воротами.

Шуй Жолань переселилась в семейный храм с тех пор, как он переспал с ней, ему было стыдно смотреть ей в глаза. Он считал, что этими вопросами должна заниматься старейшина, но старая мадам была больна в данный момент, и он не мог сказать ей об этом в такое время. Но это дело нужно было уладить, и к тому же он не хотел обижать Шуй Жолань.

Он не знал, что делает здесь, стоя перед воротами семейного храма. Он подумал, что сейчас неподходящее время, чтобы «вдыхать аромат цветов» тем более во дворе семейного храма, и не знал, что теперь делать.

Цинь Хуайюн покачал головой после того, как тяжело вздохнул и хотел уже развернуться и уйти, так как терялся в сомнениях.

– Кузен! – Голос, донесшийся из-за спины, заставил его вздрогнуть. Он обернулся и с удивлением увидел Шуй Жолань, стоящую у ворот со своей горничной.

На ней была только грубая однотонная одежда, и женщина была немного взволнована и немного смущена, но даже так, она вышла из храма и остановила Цинь Хуайюна.

Они оба понимали, что значит сделать шаг вперед в такой ситуации.

– Кузина, ты... – Цинь Хуайюн хотел так много сказать в этот момент, но просто не мог вымолвить ни слова.

Шуй Жолань опустила голову, прикусила губу и неловко произнесла:

- Кузен, ты здесь, чтобы увидеться со мной? - Она вертела в руках платок, что было одной из ее привычек, выдающих ее смущение.

Цинь Хуайюн наблюдал за ней, так что он знал об этом.

- Да, я здесь, чтобы увидеть, что ты здесь больше не живешь! - Голос Цинь Хуайюна не мог не смягчиться. Если это действительно был план мадам Ди, то она была просто невинной жертвой.

- Где же мне жить, если я не живу здесь... - сказала Шуй Жолань с легким разочарованием, но без упрека. Она слегка опустила голову, отчего ее стройное тело стало выглядеть еще более хрупким и одиноким... по ночам.

Цинь Хуайюн был одновременно возбужден и опечален. Он неосознанно протянул руку, чтобы утешить ее.

- Кузина, можешь быть уверена, я... я дам тебе справедливое объяснение. Тебе лучше вернуться в свой двор, здесь для тебя слишком холодно. Так как ты детства была слабенькой, это плохо для твоего здоровья оставаться жить здесь!

- Кузен, я тебе, но могу ли я остаться здесь еще на два дня? - Шуй Жолань немного приподняла голову и жалобно сказала: - Я не знаю, как это получилось...

Она больше ничего не могла сказать и поспешно опустила голову. Следы глаз, блеснувшие в уголках ее глаз, были замечены Цинь Хуайюном. Он схватил ее за руку и с силой потащил за собой.

- Хватит! Давай, возвращайся со мной!

.

<http://tl.rulate.ru/book/37498/1557936>